

О. А. Курбатов

**ОТКЛИК НА СТАТЬЮ А. Н. ЛОБИНА
«К ВОПРОСУ О ЧИСЛЕННОСТИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В XVI В.»**

Главным достоинством работы, по моему мнению, является стремление автора ввести вопрос о численности российских войск XVI в. в рамки, приемлемые для дальнейшего *военно-исторического* исследования указанной тематики. К сожалению, большим дефектом отечественной историографии данного вопроса является недостаток специализированных работ военно-исторической направленности, как и отсутствие признанной школы военных историков средневековой России в целом. Как видно из историографического очерка в начале статьи, вопрос о численности русского войска находится на периферии внимания крупных отечественных ученых, и мнения по нему высказываются лишь мимоходом, в связи с решением историографических проблем иного плана. Наиболее яркие работы современных исследователей (С. М. Каштанова, М. М. Крома) не являются исключением, будучи созданы по ходу изучения демографической ситуации в стране и политической истории русско-литовского противостояния в XVI веке.

К несомненным плюсам работы следует отнести разбор историографии проблемы и критику отдельных видов источников. В особенности выделяется анализ достоверности агентурных данных противника и постановка вопроса о сознательной дезинформации противника с русской стороны — совершенно неизученная тема для данного периода. Вполне справедливым представляется требование четкого разделения «комбатантов» — собственно служилых ратных людей — и «нонкомбатантов»: посошных людей и кошевой челяди. Важным для расчетов размеров полков второй половины XVI в. является постулат об их резком численном увеличении за счет огнестрельной пехоты: стрельцов, городских и вольных казаков, — а также новых корпораций служилых татар. Для этого времени автор, пожалуй, впервые вводит добротный способ

определения численности русского войска, даже при отсутствии подробных цифровых данных — подсчет числа конных сотен и стрелецких приказов по числу их «письменных голов», которые постоянно указываются в разрядных книгах.

Наиболее спорным моментом в работе А. Н. Лобина является методика подсчета бойцов дворянской конницы — основной боевой силы вплоть до конца Ливонской войны. Позволю себе высказать ряд наблюдений по данному вопросу¹.

1. «Сотня» дворян и детей боярских как низшая структурная единица поместной конницы фиксируется в источниках только с лета 1552 г., когда государев полк, а следом и воеводские полки, участвовавшие в походе на Казань, получили соответствующую организацию. Говорить о «сотнях» в составе воеводских полков до указанной даты неправомерно, как и пытаться увязать с их существованием разнообразных «голов», известных по источникам 1514–1549 гг. Ни в одном из достоверных известий государева разряда эти головы не являются командирами конных сотен. Из командных чинов поместной конницы до 1552 г. в источниках встречаются лишь воеводы разных рангов (включая «меньших» и «легких» воевод).

Прямое указание на впервые проведенную роспись детей боярских по сотням содержится статьи Никоновской летописи, посвященные третьему Казанскому походу Ивана Грозного (1552)². Роспись эта явно необычна для летописца, поскольку тот довольно подробно останавливается на содержании царского указа. Впоследствии же автор больше ни разу не упоминает о формировании конных сотен: ведь оно превращается в рутинное мероприятие перед началом каждой кампании. К сожалению, в историографии данная реформа осталась незамеченной.

В первой половине XVI в. «сотня» как подразделение детей боярских не упоминается ни разу ни в летописях, ни в разрядах, что резко контрастирует с текстами после 1552 г. Уже в описании похода на Казань подробно перечислены все сотенные головы государева полка. С 1553 г. росписи сотенных голов по полкам практически каждый год дополняют списки полковых воевод как в официальном, так и в частных разрядах.

Имелись ли ранее какие-то аналоги или прототипы сотен и их командиров? В любом случае, в остатках официальной документации все боевые командиры у детей боярских называются воеводами. Так, государев разряд, сообщая о посылке в 1506 г. «по казанским вестям» к воеводе князю М. И. Булгакову в Плес князя Ю. Пронского, отмечает: «А того не написано, воеводою ли или в детех боярских»³. Другое дело, что воеводы имели разные ранги, значение, и одни из них находились в подчинении у других. Уже в походе Ивана III на Новгород (1477) во главе каждого из четырех полков (большого, передового, правой и левой руки) был поставлен главный воевода, которому подчинялись те, кто непосредственно командовал детьми боярскими определенных городов⁴.

Необходимо иметь в виду, что воевода небольших армий первой половины XVI в. имел под своим началом не больше всадников, чем сотенный голова второй половины,

¹ См. также: Курбатов О. А. 1) Очерки развития тактики русской конницы «сотенной службы» (сер. 16 – сер. 17 вв.) // Военная археология. М., 2010. Вып. 2. (В печати); 2) Реорганизация русской конницы в середине XVI в.: Идеиные источники и цели реформ Царского войска // Единорог: Сб. документов и материалов по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и раннего Нового времени. М., 2009. Вып. 1. С. 196–225.

² ПСРЛ. М., 1965. Т. 13. С. 199.

³ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 37.

⁴ Там же. С. 18.

тем более, что и по местническому статусу они находились на сходном уровне. Например, в июне 1531 г. по вестям, что «крымских людей с 1000 пошло к Одоеву», в этот удел направилось соразмерное вспомогательное войско, состоящее из пяти полков (по два воеводы в каждом). Тогда же на «Берегу» стояли в десяти полках 28 воевод: из них на сообщение о походе 500–600 татар к Туле или Рязани последовала посылка трех воевод под Тулу и одного воеводы (второго из полка, стоявшего в устье Москвы-реки) — на подкрепление рязанской рати⁵.

С другой стороны, сам факт закрепления за каждым полком строго определенного места в боевом построении (*имя* — *титул*) говорит о том, что он мыслился как *тактическая единица*, а не *оперативное соединение*. Интересно, что в 1520–1533 гг. воеводы расписывались «на пять полков» исключительно в случае дальнего боевого похода, тогда как в «береговой службе» все титулы полков были отменены за ненадобностью. В *плавной рати*, где суда двигались вереницей без крупных фланговых отрядов, а также в малочисленных пограничных ратях в тот момент исчезли должности воевод правой и левой руки⁶.

Численность воеводских полков (внутри «титульных») оставалась в пределах, удобных для непосредственного командования детьми боярскими. Так, в сентябре 1508 г. при соединении ратей Я. Захарьича, князя В. Шуйского и прибывших воевод из Москвы Шуйский был поставлен во главе передового полка. При этом он получил распоряжение оставить у себя из своей прежней рати «500 ч. голов детей боярских», передав остальных в большой полк. Согласно росписи, начальниками этих 500 детей боярских были поставлены четверо воевод передового полка⁷.

Введение в царских войсках с 1552 г. сотенного звена управления не затронуло удельные полки, действовавшие в составе русской армии. И здесь характерно, что по своему значению они фактически приравнивались к сотням государева полка. При штурме Казани в 1552 г., когда царские «полчане» взаимодействовали с удельными детьми боярскими великого князя Владимира Андреевича Старицкого, полки удельных воевод, князя Ю. А. Пенинского-Оболенского и И. У. Заболоцкого, были оставлены стеречь тылы со стороны лесов — каждый в паре с сотней государева полка⁸.

Да и после учреждения сотенного звена целые воеводские полки могли насчитывать всего по 100 бойцов (две сотни по 50). Например, в *легкой рати* князя Т. Р. Трубецкого, временно составленной из отборных сотен главной армии в начале государева Ливонского похода 1577 г. Каждому воеводе подчинялось от двух до пяти сотен, что составляло от 100 до 360 человек⁹. В 1580 г. в войске боярина князя В. Д. Хилкова дворяне из Старицкого удела Ивана Грозного — Д. И. Черемисинов и И. Е. Ельчанинов — получили под свое начало отряды детей боярских из Каширы, Ярославля и Мценска. Но, в отличие от иных бойцов, подчиненные им ратные люди не были расписаны в сотни, а назывались только по принадлежности к полку их воеводы: «сын боярскаи коширенин Деменщина полку Черемисинова Тимофеи Вельяминова» или «сын боярский метыцненин Иван Мозолевскай, Иванов полченин Ельчанинова»¹⁰. В дан-

⁵ Там же. С. 75–77.

⁶ Там же. С. 64–83, 86, 98, 102, 109, 129.

⁷ Там же. С. 39–43.

⁸ ПСРЛ. Т. 13. С. 215.

⁹ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1864. Ч. 2. С. 50–53.

¹⁰ Документы Ливонской войны 1571–1580 гг. (подлинное делопроизводство приказов и воевод) // ПИВЕ. М.: Варшава, 1998. Т. III. С. 201, 235, 236.

ном случае промежуточное сотенное звено управления в «полках» из 100–200 человек эти воеводы сочли совершенно излишним.

Что же касается *голов*, упоминаемых в разрядах 1514–1540-х гг., с ними надо разбираться отдельно. Представляется, что четверо князей и детей боярских, которые «в головах з детьми боярскими з дворовыми» шли в поход к Василию III из Тулы в 1514 г., выполняли роль чисто походных командиров крупного соединения двора. Они не получили звания воевод только по местническим причинам, чтобы не вышло осложнений с подчиненными им рядовыми бойцами из знати. В то же время, городских детей боярских отводили под Смоленск из Тулы именно воеводы¹¹.

Некие «голова с людьми» упоминаются в крупных воеводских полках на берегу Оки в 1521 г., а затем в 1538–1540-х гг. Они командовали небольшими отрядами ратных людей (и скорее всего, не только детей боярских), прикрывавшими отдаленные броды или «перелазы» через Оку или Угру, а также патрулировали отдаленные участки «Берега»¹². Примечательно, что в 1540 г. коломенские воеводы расписали смены по две головы для двух «посылок», и в обоих случаях возникли местнические споры¹³: первый по росписи голова, оказывается, уже считался «больше» второго! Подобное местничество было возможно на свадьбах или при назначениях в воеводы, но совершенно исключено между сотенными головами дворянской конницы в более позднее время.

Реконструируя ход событий, которые привели к сотенной реформе 1552 г., следует выделить роль второго Казанского похода (1549–1550). Несмотря на многочисленность полков государева, большого и прочих (до нескольких тысяч детей боярских в каждом), во главе них было поставлено всего по два воеводы. Сверх этого, по всем полкам были особо расписаны дворовые дети боярские, а в государевом еще и назначены «есаулы» из знатных и молодых дворян. Как представляется, в походе они должны были по некоей очереди исполнять роль «малых» или «легких» воевод, которые отправлялись в локальные экспедиции — «посылки» — с полками меньшей численности (как раз по сотне или около того бойцов). Но эти подразделения внутри титульных полков не имели постоянного характера и распускались при возвращении из «посылки»¹⁴. Процесс же сбора полка для «посылки», когда одни дворяне назначались воеводами, а другие — рядовыми бойцами, вызывал каждый раз ожесточенные местнические споры, буквально истерзавшие царя Ивана Васильевича.

Второй пункт приговора Боярской думы, принятого в июле 1550 г., упразднил местничество между полковыми воеводами и знатными дворянами и детьми боярскими, которых «для вмещения людем» зачисляли в полки рядовыми. К полковым воеводам специально были причислены «легкие» и «меньшие»¹⁵, с которыми в походе 1549–1550 гг. возникали основные сложности. Поскольку функции и размеры полков *легких воевод* были прообразом дворянских сотен, это определение создало правовое поле для будущей сотенной реформы. Одновременно был учрежден институт выборных дворян — основа командных кадров среднего звена, в том числе и сотенных голов.

¹¹ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 54, 55.

¹² Там же. С. 65, 66, 78, 79, 94–98.

¹³ Эскин Ю. М. Местничество в России XVI–XVII вв.: Хронологический реестр. М., 1994. С. 44 (№ 43).

¹⁴ О постоянных местнических ссорах дворян при снаряжении таких посылок царь сообщал в своем обращении к церковному собору в феврале 1550 г. (см.: Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII вв. Комментарии. Л., 1987. С. 9–12; ПРП. М., 1956. Вып. 4. С. 577).

¹⁵ ПРП. Вып. 4. С. 582–584.

Основным новшеством сотенной реформы 1552 г. стало не создание тактических подразделений детей боярских силой в 100 бойцов (такowymi зачастую были и прежние воеводские полки), а четкое определение их места в новой структуре походного войска, во избежание местнических споров, и придание им статуса постоянных боевых единиц (на всю кампанию). Об этом прямо говорит текст царского указа 1552 г., в редакции официальной летописи:

Да урядят в полку в его Царском коеуждо сту браным детем боярьским голову... для болшего дела супротивного и для розных посылок, да койжды сын боярьской своего голову знают и приближатся г делу, да всяк вооружается на брань, а о ином не смущаются... Да не будет смущения в полцех, г делу пришедиши (выделено нами. — О. К.)¹⁶.

Последнее, что хотелось бы отметить в экскурсе о воеводских полках из детей боярских в первой половине XVI в., это местнический уровень воевод по сравнению с головами дворянских сотен. После 1552 г. в городских отрядах детей боярских далеко не всегда должность головы исполнял специально назначенный из Москвы выборный дворянин. К примеру, в новгородских и иных землях, где «выборный» чин отсутствовал, во главе сотен становились дворовые дети боярские или опытные и «добре добрые» городовые.

Но точно такая же практика встречается еще в отношении младших полковых воевод времен Василия III: когда в 1514 г. новгородская рать разделилась на войско, которому надо было двигаться к Орше (пять полков, 10 воевод), и отряд воеводы Морозова, что остался на Луках Великих (пять полков, пять воевод), то последнему совершенно закономерно было велено воеводами «в левую руку и в сторожевой полк <...> выбрать детей боярских, кого будет пригоже»¹⁷. Иными словами, в 1514 г. воеводой, ввиду явной нехватки кадров, вполне мог быть назначен городской сын боярский. Стоит ли говорить, что со второй половины XVI в. практически прекращается назначение полковыми воеводами даже дворовых детей боярских — не говоря уж о городских!

Подытожить и конкретизировать изменения в организации походного конного войска в связи с реформой 1552 г. можно еще следующим образом. В первой половине столетия соединение в 1000–1500 детей боярских обычно делилось на пять полков, по два воеводы в каждом. С 1553 г. подобный корпус стал включать в себя всего три титульных полка (большой, передовой и сторожевой)¹⁸, по два воеводы, при этом в каждом воеводском полку состояло от 200 до 500 воинов.

2. По крайней мере, с 1512 г. в источниках появляется понятие «легкие рати», которые отправлялись в рейды по вражеской территории или для дальнего преследования. Личный состав для них специально выбирался из всех полков и включал в себя молодых, «резвых» детей боярских с большим числом хороших коней и с конными холопами при запасных и вьючных лошадях¹⁹. Похоже, что русские полки, направленные

¹⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 199.

¹⁷ Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. 1. Ч. 1. С. 140.

¹⁸ За ранний период «государевым разрядам» такая структура неизвестна, а за 1534–1550 гг. упоминаются всего пять подобных случаев. Однако с момента Казанского похода по сентябрь 1555 г., за три года, тот же источник содержит уже 11 росписей «на три полка», и периодичность эта не снижается и в дальнейшем (Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 136–147).

¹⁹ В 1533 г. воеводы «не со многими людми», выбранными «изо всех полков» для рейда, впервые называются «лехкими воеводами». (Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 43, 48, 82; ср.: Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. С. 110, 119, Ч. II. С. 220, 241; ПСРЛ. Т. 13. С. 71, 97, 111).

за Днепр в 1514 г., представляли собой вариант такой «легкой рати». Так что наличие плененных из 15 «городов» ни в коей мере не говорит об участии в «великой битве» всех этих корпораций в полном составе. Эти обстоятельства следует иметь в виду и в других подобных случаях.

3. Отмеченная практика «выбора» серьезнейшим образом отражалась на числе кошевых холопов и «людей с конем простым» в соотношении с числом детей боярских и боевых холопов. В дальние рейды, вроде набег боярина И. В. Шереметева-Большого на «Мамай-луг» в 1555 г., челяди «со व्यюками» отправлялось максимальное количество (в том числе для доставки трофеев и коней). В то же время, дети боярские «ближней службы» зачастую имели по одному кошевому холопу на несколько бойцов (как и монастырские слуги), и ни о каких боевых холопах речь не шла вообще. К этому же замечанию примыкает другое: численность конского состава зачастую в несколько раз должна была превышать численность бойцов («полковых людей»), так что «небольшая», по расхожему мнению, рать из 2000 всадников — это в том числе и огромный табун лошадей в 6000–8000 голов.

4. Далеко не все дети боярские уже в XVI в. были способны к «дальней конной службе» по состоянию своего поместья. Для выступления в поход, скажем, из Рязьса под Псков им требовалась солидная денежная помощь (государево жалование). Значительная часть детей боярских в этой связи переводилась в «ближнюю службу» без жалования: чаще всего для охраны ближайшей границы. Исходя из этого, даже установление полного числа помещиков по всем уездам мало что дает для выяснения «обычной» или «максимально возможной» численности вооруженных сил на разных направлениях. Требуется точные данные, сколько «полковых людей» было на самом деле приведено из каждого уезда для конкретного похода, а сколько пришлось оставить на месте. Более того, можно говорить о своеобразных военных округах по всем боевым рубежам страны, чьи ратные люди несут оборону своего района и лишь иногда выделяют небольшие контингенты в дальние походы.

5. Что же касается конкретных цифр, приведенных в статье, хотелось бы особо остановиться на разряде Полоцкого похода 1563 г. — росписи, вызвавшей наибольшее число споров в историографии. Исходя из предложенного самим же автором принципа «работы со всеми известными материалами документального характера», не могу сходу согласиться с его безосновательным утверждением, что «боевые холопы, конечно же, не учитывались в разряде» этой кампании. Можно подумать, что воеводам в начале похода было важнее узнать уровень явки детей боярских (по «естям» и «нетям»), а не «сметить» реальную боевую силу сотен (как это происходило с казачьими станицами и «людьми» татарских и горских князей).

Вкратце суть проблемы, вызывающей основные споры, состоит в следующем: принимать ли приведенные в «Записной книге Полоцкого похода» цифры только за количество детей боярских, без учета их боевых холопов, либо же перед нами сводная ведомость всех бойцов, выставленных в полки тем или иным служилым «городом» (без различия сословной принадлежности)? Определенно склоняясь ко второму варианту ответа, приведу несколько способов анализа указанной росписи.

Первый способ можно обозначить как сугубо источниковедческий, построенный на критике делопроизводственного формуляра источника. Следует поставить существующую роспись в ряд однотипных сметных списков, выработанных в практике Разряд-

ного приказа. В комплексах документов, сопутствующих составлению подобных росписей, находим тексты указов о порядке смотров поместной конницы.

Согласно источнику, по прибытии государя в Можайск полковые воеводы были извещены о его приезде, а также о том, что на места сбора полков «списки детей боярских ко всем бояром и воеводам... посланы». Затем последовало распоряжение:

И которые дети боярские к ним приедут, и они б приезды их писали, хто в которой день приедет, и о людцкой даче выпрашивали да отписывали ко Царю и великому князю. А сами б и дети боярские со всеми людьми были готовы²⁰.

Таким образом, в распоряжении государевой ставки должны были оказаться сводные данные по полкам о числе прибывших детей боярских и их «людской даче» — количестве приведенных в поход холопов. Распоряжение о сборе сведений последовало 4 ноября, а работа над росписью, «которым людям быти в полку со Царем и великим князем, и которым людям с которым боярином и воеводою быти по полком», началась 7 ноября, когда вполне можно было дожидаться сведений даже из самых отдаленных мест сбора полков.

В документации, предшествовавшей сбору войск для отражения татар в 1572 г., обнаруживаются еще более определенные указания. После распоряжений о сборе войск под Коломной, распределении их по полкам по предварительным «розписи и спискам» и назначении отдельных командиров, следует приказ:

Да поимати по полком памяти: сколько с кем будет людей полковых в доспесех и в тегилеях, и без тегилеях и сколько кошевых. Да розписати, выбрав, головы добрые и розписати детей боярских и их людей по головам по всем полком, чтоб всех людей розписати заранее.

Столь же красноречивым выглядит раздел о смотре «украинных людей» (помещиков из «дальних» уездов южнее Оки):

А которые воеводы по украинам, которым быти по розписи на сходе з бояры и воеводами, и боярину и воеводе князю Михаилу Ивановичю Воротынскому по всем украинам розослати, чтоб по тому же, поймав памяти и розписав по головам детей боярских и боярских людей, да тот бы список прислати к боярину и воеводе ко князю Михаилу Ивановичю с товарищи заранее, а у себя противень оставити, чтоб боярину князю Михаилу Ивановичю с товарищи было в ведомае заранее всех украин люди по смотру. А как люди сойдутца, и боярину и воеводе князю Михаилу Ивановичю Воротынскому с товарищи, приговоря день да вышед в котором месте пригоже, да в тот день во всех полках и по всем украинам пересмотрити людей на конех в доспесех. А, пересмотря людей, пойти по своим местом, где которому полку стоять.

Таким образом, воевод интересует общее фактическое количество бойцов в строю и в обозе, и только по исчислении всех явившихся на службу помещиков вместе с их людьми предполагается создание конных сотен. «Люди боярские», как недвусмысленно указывается, распределяются по тем же сотням, что и их господа. Лишь пешие пищальники, которых дополнительно требовали по человеку с 500 четвертей земли, определялись в отдельные отряды: «Да, поймав, тех людей с пищальми розписать по головам особно, опроче детей боярских»²¹. Впрочем, сам факт их участия в боях 1572 г. дальнейшими документами не подтверждается.

²⁰ Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года / Предисл. К. В. Баранова // РД. М., 2004. Вып. 10. С. 124.

²¹ Буганов В. И. Документы о сражении при Молодях // Исторический архив. М., 1959. № 4. С. 169.

Интерпретируя приведенные в документах указания на количество детей боярских по полкам, мы вынуждены понимать их не иначе, как результаты тех самых смотров «с людьми», памяти о которых в соответствии с наказом были присланы главному воеводе. Многократно правленный текст полкового делопроизводства показывает, что по получении данных о численности бойцов каждого «города» произошло перераспределение некоторых городских отрядов между воеводами: так, пусторжевские помещики из большого полка попали в полк правой руки, в передовом полку поменяли местами (в полках первого и второго воеводы) кашинцев и помещиков Деревской пятины Великого Новгорода²², и т. п.

Как представляется, лишь по выяснении точной численности этих ратников стало возможным привести размеры каждого воеводского полка в соответствие с его местническим рангом: чтобы в полку правой руки бойцов поместной конницы было меньше, чем в большом, но больше, чем в передовом, чтобы первый воевода передового полка имел существенно больше бойцов, чем второй, и т. д., — с чем и связаны данные изменения.

Последние сомнения по поводу учета боевых холопов в типовых сметных списках воеводских полков снимаются при знакомстве с делопроизводством XVII столетия, в годы непосредственно перед упразднением поголовной «сотенной службы» дворянской конницы и переводом ее в полки «нового строя» (1650-е гг.). Яркий пример — смотр «конности, людности и оружности» дворян и детей боярских новгородцев четырех пятин и новокрещенов, проведенный боярином В. П. Шереметевым в Великом Новгороде при подготовке к летней кампании 1654 г. В документе, составленном к 10 февраля 1654 г., говорится:

Всего з боярином и воеводы с Васильем Петровичем Шереметевым с товарищи новгородцов дворян и детей боярских четырех пятин и новокрещенов 1595 человек, из них на конях и на мерилах с пистоли, с карабины, с сабли 524 человека, с одними пистоли с сабли 623 человека, да в саадах 16 человек, да на меринках с пистоли ж и с сабли 432 человека.

Да людей их на мерилах и на меринках с пистоли с сабли с простыми лошадьми 112 человек.

Всего дворян и детей боярских и их людей конных 1707 человек, да в кошу людей 223 человека с пищальми, да 155 человек с рогатины²³.

Затем в таком же порядке следует перечисление новиков и прочих, не написанных «в московском списке», а также оставленных от службы за старостью, бедностью и делами. Особенную важность для интерпретации сметных списков имеет заключительный итог росписи, в результаты которого включены стрельцы, казаки и солдаты со своими начальными людьми:

Всего дворян и детей боярских и новокрещенов и казаков конных 2035 человек, да их людей конных 131 человек, а и с людьми 2166 человек.

Да пеших з головами и с сотники стрелцов и казаков с пищальми, и с немецкими начальными людьми сомерские волости салдат с мушкеты (1952) человека, да в кошу людей боярских 256 человек с пищальми, да 171 человек с рогатины. Обоево пеших стрелцов и казаков и Сомерские волости салдат и боярских людей с пищальми 2208 человек. И всего пеших с пищальми и с рогатины 2379 человек.

²² Там же. С. 174–176.

²³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 156. Л. 6.

И всего з боярином и воеводы с Васильем Петровичем Шереметевым с товарищи новгородцов и новокрещенов и казаков и московских и новгородских стрелцов и ладожских казаков и боярских людей 4545 человек»²⁴.

Из характера данной сметы явствует, что ее составителей интересовала не столько сословная принадлежность или имущественное состояние ратных людей, сколько их численность и вооружение. По нашему мнению, роспись в «Записной книге Полоцкого похода», а также известные нам сметы действующей армии на 1572 и 1604 г. относятся к тому же самому типу сметных росписей, что и документ 1653–1654 гг.

Второй способ анализа росписи Полоцкого похода — уточнение жанра документа, цели его составления, исходя из внутреннего анализа, сравнения его данных по разным разрядам ратных людей. Как представляется, приведенная смета ратных людей по полкам имеет в первую очередь местнический смысл (как и вся «Записная книга...» в целом). Дело в том, что, по принятому во второй половине XVI в. правилу, численность титульного полка зависела от «места» его воевод в общей войсковой иерархии. Достаточно привести небольшую выборку по количеству сотен детей боярских в одном из ливонских походов 1558 г., а также общую численность «полковых людей» по известным росписям 1572 и 1604 гг. (Таблица № 1).

Таблица № 1.

Данные о численности войска по полкам в разрядах 1558, 1572 и 1604 годов.

год разряда	Полки по их старшинству					Итого
	большой	правой руки	передовой	сторожевой	левой руки	
1558 г. ²⁵	15 сотен	10 сотен	8 сотен	8 сотен	6 сотен	47 сотен
1572 г. ²⁶	2905	2240	2040	1713	1351	10 249
1604 г. ²⁷	4097	2888	2521	2015	1600	13 121

Тот же порядок мы видим и в предварительных наметках разрядных дьяков перед походом 1654 г. (по новгородскому полку). Дворяне и дети боярские распределялись по полкам трех воевод разных чинов, и в Москве было решено «написать боярину 1500 чел., окольничему 800, думному дворянину 615»²⁸. На месте эти цифры были, естественно, сильно скорректированы, но общий принцип остался прежним.

Что же касается росписи Полоцкого похода 1563 г., то распределение ратных людей по титульным полкам чуть ли не буквально иллюстрирует нормы, провозглашенные в соборном приговоре 1550 г. «о местах»: первый воевода большого полка — старше всех. Первые воеводы полков правой руки, передового и сторожевого равны между собой. Первый и второй воеводы полка правой руки «больше» только соответствующих воевод левой руки. Прочие счета между вторыми воеводами упразднены²⁹.

²⁴ Там же. Л. 9, 10.

²⁵ Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1981. Т. II. Ч. I. С. 28–30.

²⁶ Буганов В. И. Документы о сражении при Молодях...

²⁷ Боярские списки последней четверти XVI-го — начала XVII-го вв. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. II.

²⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 156. Л. 67–76.

²⁹ ПРП. Вып. 4. С. 582–584.

Характерно, что приговор не касался воевод государева полка, ертаула и наряда: по-видимому, их полки изначально исключались из области местнических счетов.

Теперь приведем данные росписи «детей боярских» по полкам 1563 г.: царский полк насчитывал 5000 конницы, выставленной служилыми людьми «по отечеству»; большой полк — почти 3000 (не считая двора князя Владимира Андреевича Старицкого). Полки передовой, левой руки и сторожевой были по составу практически равны (по 1900). «Правая рука» включала всего на 100–120 больше. Кроме того, служилые «города», назначенные в полк наряда, выставили чуть более 1400, а ертаул был сформирован всего из 1016.

Точно такой же местнический принцип (хоть и не столь строгий) прослеживается и в отношении прочих разрядов ратных людей, распределенных по титульным полкам, а именно, татар и горских воинов, а также разного рода казаков и «черкас». В росписи отсутствуют данные о привлеченных к походу стрелецких приказах, отрядах служилых иноземцев, пушкарском чине и посошных людях. Во-первых, они «ведались» не в Разряде, а других ведомствах (Стрелецком, Иноземском, Пушкарском приказах или их прообразах). Во-вторых, их воины подчинялись государю или воеводам наряда, и поэтому их число и распределение не могли представлять местнического интереса. Так, при обращении к росписям служилых татар и инородцев мы видим, что их численность приводится в «Записной книге...» полностью по бойцам всех сословий — без различия приглашенной и призванной в поход знати и ее вооруженной свиты (родственников, слуг или холопов). Наиболее яркие примеры: «цненские князи, и мирзы, и казаки, и людей их, и мордва 232 ч.» (сторожевой полк), «Царева двора Шигалева Рай князь с товарищи и их людьми 688 ч.» (большой полк), и т. п.

Таким образом, перед нами явно результат состоявшегося при выступлении в поход смотра, итоговые цифры наличного сметного списка — аналог тех самых «памятей» из наказа 1572 года. В «Записную книгу...» попало одно недвусмысленное замечание о происхождении этих цифр: (в полку правой руки) «всех детей боярских со всеми воеводами 1922 ч., опричь царевых Семионовых детей боярских, а по смотренью 105 ч.» (выделено нами. — О. К.). Следовательно, это не могут быть предварительные росписи «нарядов на службу» или краткие результаты смотров «по естям и нетам»: в отношении горских и ногайских князей, а также наемных донских и черкасских атаманов и казаков подобные документы едва ли было возможно составить.

Наконец, *третий способ* проанализировать количественные показатели «Записной книги...» — сравнить их с иными сведениями, относящимися к той же эпохе или чуть более позднему времени. Здесь достаточно привести цифру «Записной книги...» по Боровску. В ней указаны 780 человек, не считая 80 «вятчан из Боровска». Очевидно, что в это число вошли не только боевые, но, пожалуй, и все кошевые холопы. Количество дворян и детей боярских в этом маленьком уезде в 1630–1651 гг. колебалось в диапазоне 75–77, а в 1572 г. в полк выступило всего 10 «лучших». Нечто похожее наблюдается по детям боярским Суздаля: 636 (при 240–360 чел. в 1631–1651 гг.). Для пяти неполных пятин Великого Новгорода указано 2992 (при максимуме в 2000 помещиков)³⁰, для Каширы 537 (при 400 помещиках, зафиксированных в десятне 1556 года).

³⁰ Цифру в 2000 помещиков называет С. Б. Веселовский «с учетом неполноты данных» сохранившихся писцовых книг (известно же 1600 поместий). Число беспоместных детей боярских Великого Новгорода к 1563 г. значительно сократилось за счет испомещения их части в ливонских уездах.

Вообще Каширская десятня 1556 г. дает важную информацию для толкования численности детей боярских в «Записной книге...». Каширяны, полностью поступивших в состав государева полка, роспись Полоцкого похода делит на три категории: дворовых (55), городских (382) и городских «с малых статей» (100). В то же время в десятне перечислены чуть более 400 детей боярских, и у нас нет оснований подозревать неполноту этого источника: в 1621 г. всех каширяны насчитывалось 219, в 1631 г. — 355, в 1651 г. — 449, в том числе 90 выборных дворян. Точную численность детей боярских «малых статей», с поместными окладами по 50, 70, 80, может быть, даже и 100 четвертей, установить на основании десяти 1556 г. невозможно — значительная часть каширяны указана в ней вообще без окладов. Но если предположить, что в 1556 г. их было хотя бы столько же, сколько в 1563 году, то есть 100 человек, то число помещиков, способных выставить «в полк» хотя бы одного боевого холопа, закономерно уменьшается именно на эту сотню. Таким образом, оставшиеся, за вычетом малопоместных, примерно 250 городских каширяны и явились в государев полк на исходе 1562 г. в количестве 382 «полковых людей» (то есть детей боярских и боевых холопов).

На первый взгляд, стройную картину разрушает численность дворовых детей боярских по Кашире, практически идентичная в десятне 1556 г. (58) и в «Записной книге...» 1563 г. (55). Конечно, можно списать это на «нетство» дворян и возможное зачисление части из них в ряды «дворян выборных» и «приборных из городов новых». Но существует иное объяснение.

Начиная со второго Казанского похода, в случаях крупных осад стабильно отмечается факт сбора со знатных служилых людей пеших боевых холопов. В феврале 1550 г. государь «...стоял у Казани две недели, а приступ был к городу во вторник на Федоровой неделе, а х приступу имал у бояр и воевод и у детей боярских пеших людей в доспехах»³¹. При взятии Казани в 1552 г. холопы служилых людей, вооруженные пищалями, были сведены в отдельные отряды по 100 человек, во главе с опытными детьми боярскими. Они поддерживали своими действиями стрельцов и пеших казаков «с вогненным боем». Такие же сотни участвовали и в осаде Полоцка в 1563 г.: с 3 по 15 февраля «дети боярские головы з боярскими людьми все были у тур»³². Согласно дальнейшим росписям, с 4 февраля боярские люди стояли у тур во главе с 15 головами, а 10 февраля другие 15 голов из детей боярских были посланы «туры ближние ставити, и тем головам на перемену». Таким образом, в осадных боях и работах приняли участие 15 пеших сотен «людей боярских» с огненным боем.

Об их численности можно судить по данным штурма Ругодива (Нарвы) 19 февраля 1590 г., в котором приняли участие 2380 ратников этой категории³³. Насколько можно судить по выпискам из различных смотров середины 1550-х гг., собранным в Боярской книге 1556 г., пешие воины составлялись знатно взамен «полковых людей», вооруженных для конного боя саадаками и саблями. Так, для похода под Астрахань «плавной ратью» князь Иосиф Масальский выставил «в судех 23 ч., в них 4 ч. в доспехах, а 8 ч. на кормовом судне»; Иван Кикин — «людей ево 8 человек, из них 3 ч. в доспехах, 5 ч. на кормовом». В то же время в государев полк при выходе к Серпухову в 1556 г. оба явились с конными холопами в саадаках и доспехах³⁴. Поэтому, на наш взгляд,

³¹ РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. № 1529. Л. 248 об.

³² Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года... С. 139.

³³ Скрынников Р. Г. Россия в начале XVII в. «Смута». М., 1988. С. 56; ПСРЛ. Т. 13. С. 206, 214.

³⁴ «Боярская книга» 1556/57 года / Публ. А. В. Антонова // РД. Вып. 10. С. 98, 114.

можно предположить, что князья, стольники и прочая знать в 1563 г. были обязаны выставить именно пеших людей с огненным боем для проведения осады, и поэтому конные холопы в обязательном порядке от них уже не требовались.

Именно дворовые каширяне, целиком назначенные в государев полк, могли быть привлечены к поставке «боярских людей с пищальми». Судя по частным разрядам Полоцкого похода, все сотни боярских людей поддерживали стрелецких голов, осуществляя под началом воевод князей В. Серебряного и А. Курбского атаку на главном участке осады крепости. Таким образом, пешие холопы не были распределены по боярским полкам, подчиняясь непосредственно главному командованию, и их численность не представляла интереса для составителей «Записной книги...» точно так же, как данные о стрельцах или пушкарях. Здесь уместно провести аналогию с цитированным выше расписанием Новгородского полка (1654), где «в кошу людей боярских... с пищальми, да... с рогатины» перечислили в составе пехоты, четко отделив от конных детей боярских с их боевыми холопами.

Столь подробный экскурс в отношении довольно локальной проблемы — интерпретации численности поместной конницы на основании Записной книги Полоцкого похода — имеет целью подчеркнуть необходимость крайне осторожного отношения к методам сугубо математического анализа подобных росписей. Без знания основ делопроизводства Разрядного приказа и таких нюансов, как местнический смысл численности каждого титульного и воеводского полка или обычай создания сводных сотен пеших холопов для проведения осад, без понимания самого характера сохранившихся сметных списков исследователь рискует утонуть в беспочвенных арифметических расчетах *теоретически возможного* потолка численности русской поместной конницы и армии в целом.

Предпочитая буквально понимать приведенную в «Записной книге...» численность детей боярских в узко сословном смысле этого слова, историки игнорируют факт обобщения бойцов разного социального статуса по принципу единства их службы, хорошо известный в разрядных документах XVII в. В частности, смотренные списки по Новгороду Великому 1656–1658 гг. под термином *дворяне и дети боярские* стабильно подразумевали еще и земцев, а также даточных людей со вдов и недорослей³⁵. Та же картина наблюдается и по послужным спискам конных сотен. Вообще необходимы весьма веские основания, чтобы подозревать сметный документ царской ставки в выдерживании точных юридических терминов по отношению к разным разрядам войска.

6. Вызывает возражение слишком широкий диапазон численности конных сотен, принятый А. Н. Лобиним (до 300). Все же в большинстве случаев городские сотни насчитывали по 100, а нередко и по 50 бойцов: создание более крупных отрядов наблюдается либо в государевом походе, когда дворянские сотни служили для царского эскорта, либо в захудалых корпорациях уездов «от Поля», где не хватало знатных дворян для замещения командных должностей.

В подкрепление нашего мнения приведем подборку по численности сотен дворян и детей боярских, составленную на основании делопроизводственной документации Разрядного приказа. Начнем с сотен воеводских полков в отсутствие государева похода. Пожалуй, наиболее ранние данные содержит указ о пожаловании наградными монетами

³⁵ См., например: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 117; Там же. Смотренные списки. № 21. Л. 43 об.–158.

воевод и бойцов рати кн. С. И. Микулинского, действовавшей против восставших жителей Казанского края (с декабря 1553 по 1554 г.). Для этой цели рядовым детям боярским было послано «ноугородок два рубля, да московок два рубля же», т. е. 200 копеек и 400 денег. Из знатных бойцов по монете получал каждый, а «иным детем боярским двум денга, а иным и двум и трем денга»; 57 выборных дворян получили отдельно золотые деньги и новгородки. Таким образом, власти исходили из расчета 1000–1500 детей боярских, с некоторым количеством боевых холопов. Одновременно более почетные награды получили 18 сотенных голов, руководивших этими всадниками в походе, что дает нам от 70 до 100 бойцов в каждой сотне³⁶.

Документация «берегового разряда» весны 1572 г. содержит данные о численности «полковых людей» поместной конницы по городам и воеводам, причем в каждом воеводском полку отдельно указаны выборные дворяне. Как правило, именно из них назначались командиры конных сотен, а также головы у государева знамени, у кошей и т. п. По разным полкам на каждого выборного приходится в среднем по 50–70 всадников; если даже вычесть из их числа нескольких дворян для штабных должностей, это все равно дает цифру не более 70–90 бойцов в каждой конной сотне.

Сохранилось полное сотенное расписание временного войска князя Т. Р. Трубецкого, в 1577 г. отправленного за 11 дней до государева похода Ивана Грозного из Пскова «воевать» изменившие царю области Ливонии в направлении Говьи, Треката и Володимерца (Вольмара). Всего по трем титульным или шести воеводским полкам распределены 25 конных сотен детей боярских. Из них только сотни государева полка отличаются значительной численностью: 183, 120 и 100. Из прочих 19 сотен насчитывают по 50–55 бойцов, и еще три — по 65³⁷.

Многочисленные поименные послужные списки конных сотен сохранились в фондах Разрядного приказа от эпохи войн царя Алексея Михайловича 1654–1667 гг.³⁸. В частности, по данным об участии дворян в битве под Шкловым 2 августа 1654 г. численность сотен большого полка князя Я. К. Черкасского колебалась в диапазоне от 50 до 110, но чаще всего 80–90³⁹. То же следует сказать и о сотнях армии князя И. И. Лобанова-Ростовского, воевавших в Белоруссии в 1658–1659 гг.

Практически каждую кампанию менялось сотенное расписание дворянской конницы Новгородского полка (с 1656 г. — полка Новгородского разряда). В 1654 г. помещиков распределили по чинам и окладам между полками трех воевод-товарищей, перемешав в каждой сотне представителей разных городов. В итоге подразделения получились крайне разношерстными: только по сохранившимся послужным спискам двенадцати сотен их численность варьировалась от 66 до 137⁴⁰. Вообще же на 3000 дворян и детей боярских приходилось около 40 сотен⁴¹.

³⁶ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. III. С. 465.

³⁷ На основании разрядной книги Ливонского похода 1577 г. (Вельяминов-Зернов В. В. Указ. соч. С. 38–39, 46–48, 50–53).

³⁸ Первый образец такого списка был опубликован автором в 2005 году. (Курбатов О. А. «Чудо архангела Михаила». Документы похода Новгородского полка на Брест и битвы при Верховичах 17 ноября 1655 г. // Исторический архив. 2005. № 3. С. 168–190).

³⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 255 Ч. 2.

⁴⁰ Подсчитано нами по: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 255. Ч. 1. Л. 1–216.

⁴¹ В 1654 г. к В. П. Шереметеву было послано из Разряда 50 знамен, что, за вычетом казачьих и стрелецких, дает около 40 сотен. (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 156. Л. 177, 186, 223).

Послужные списки полков князей С. А. Урусова и Ю. Н. Бярятинского следующего, 1655 г., по-прежнему пестрят сводными сотнями, укомплектованными все так же по чину и размеру оклада. Причем численность их колеблется уже от 40 до 165. В целом на 22 сотни были расписаны 1745 дворян и детей боярских⁴².

Боевые реалии потребовали унификации состава и численности дворянских сотен, что было сделано в ходе русско-шведской войны 1656–1658 гг. По крайней мере, в 1657 г. у помещиков Бежецкой пятины полка новгородского воеводы (князя Г. С. Куракина) и в ертауле псковского полка (князя Т. И. Щербатова) нормальная боевая численность сотен — ровно по 50⁴³. Послужной список Мядзельского боя (1659) дает небольшой разброс: от 57 до 82, а в среднем — 66 (по «естям» и «нетам»)⁴⁴.

Таким образом, на протяжении более 100 лет общим правилом при организации основных тактических единиц дворянской конницы — сотен — было придерживаться численности, наиболее удобной для командования ими на поле боя. Состав свыше 100 человек нуждался в усилении, если чисто боевая целесообразность уступала требованиям «благочинного устройства» полков (как в 1654–1655 гг.). Но дальнейший походный опыт возвращал все «на круги своя». Более того, в ряде случаев воеводы предпочитали сокращать размер сотен до 50–60 бойцов, не останавливаясь даже перед назначением сотенными головами городовых детей боярских (как в сотнях Бежецкой пятины в 1657–1658 гг.). Это трудно объяснить чем-либо иным, нежели удобством управления конными массами в ходе боевых столкновений.

Некоторую противоположность данному правилу в отдельных случаях являют сотни государева полка. Так, в Полоцком походе 1563 г. половина из них насчитывала от 150 до 200, а остальные — по 100⁴⁵. Впрочем, и здесь было исключение в виде сотни в 68 бойцов. Три известные по численности сотни царского полка Ливонского похода 1577 г. имели в своем составе от 100 до 180. Однако настоящего апогея эта тенденция достигла при Алексее Михайловиче. В 1654 г., по его восторженным письмам, описывающим выступление государева полка из Москвы на Смоленск, первые по знатности сотни стольников достигали 1500 за счет боевых послужильцев московской знати:

А в сотне всякой головами по 90 человек, oprичь людей, а с людьми после дня царедворцов по 500 человек, а в стольничьих по 1000 по 500 человек, а в городовых по 500 человек и с людьми после дня по 150 человек⁴⁶.

Впрочем, совершенно очевидно, что на этом торжественном параде царедворцев окружала вся их челядь, без разделения на «полковых» и «кошевых» холопов. Да и достигнут такой результат был благодаря поистине беспрецедентным мерам: за год до похода знатные «чины московские», согласно своим «сказкам» о наличии жилых дворов, были извещены об обязанности выставить по одному холопу с 10 дворов, в связи с чем им выдали по 50 рублей да по 30 рублей на каждого даточного, с условием,

⁴² Подсчитано нами по: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 113.

⁴³ Гадзяцкий С. С. Борьба русских людей Ижорской земли в XVII веке против иноземного владычества // ИЗ. М., 1945. Т. 16. С. 30, 32–34; РГАДА. Ф. 210. Смотренные списки. № 120. Л. 1–51; Там же. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 340. Л. 191.

⁴⁴ Подсчитано нами по: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 488.

⁴⁵ Подсчитано по: Записная книга Полоцкого похода... С. 129–134.

⁴⁶ Письма царя Алексея Михайловича к боярину кн. А. Н. Трубецкому // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. СПб., 1861. Т. 2. С. 714.

что они будут «конны и оружны», а их люди вооружены карабинами и пистолетами⁴⁷. Естественно, что уже в последующих кампаниях от этой практики пришлось отказаться — по крайней мере, в связи с бедственным «морovým поветрием» конца 1654 года.

Как представляется, высокая численность сотен государева полка говорит о небоевом характере этого соединения. Изначально он мыслился как личная охрана государя. Его главной задачей было как можно более усилить впечатление от боевой мощи царских отрядов: как за счет их внешнего вида и вооружения, так и многочисленности и пышности дворянских свит. В то же время, когда заходит речь о сотнях жильцов и иных московских чинов в обычных походах, мы вновь видим привычные боевые сотни в 100 и меньше бойцов.

Помимо сотен государева полка, довольно крупной численностью отличались конные сотни детей боярских «польских» и украинских уездов. Так, в походах 1654–1656 гг. отборную подъезжую сотню своего полка окольных А. Бутурлин составил из 212 дворян и детей боярских стародубцев и рославльцев, тогда как назначенных в свой полк детей боярских курчан (433) разделил на три сотни примерно равной численности. Вся проблема, как представляется, состояла в нехватке знатных дворян для замещения должности сотенного головы: подъезжей сотней командовал капитан И. И. Бабкин, отставленный за злоупотребления из командиров комарицких драгун, а курчанами — трое помещиков Гриневых из Мценска (Иван Захарьев, Петр Иванов и Василий Дмитриев дети Гриневы)⁴⁸.

Главным недостатком работы А. Н. Лобина является нежелание автора четко обозначить свою позицию в отношении размеров русских ратей в отдельных кампаниях, а также попытка чисто математически «усреднить» численность полков. Но оценивать силы боевого корпуса в диапазоне 300–1400 человек — значит выводить военно-исторический вопрос за рамки строгого исследования. Диапазон слишком велик. Некорректными представляются разговор о «максимальной» оценке русских сил под Оршей (1514) без всякого намека на «минимальный» уровень, или отказ автора разбирать расчеты К. В. Базилева и В. В. Пенского, оценивших численность одного и того же войска во Пскове в 1502 г. в диапазоне от 5000 до 15 000.

Summary

According to the reviewer, the main value of A. N. Lobin's paper lies in the complex approach towards the analysis of a wide scope of different sources, its aim being to estimate the approximate numbers of the Russian army in the 16th century. The paper is a specialized study in military history, a rare case in the Russian historiography of the period in question.

The reviewer strongly agrees with the author's main conclusion that the size of the Muscovite army has been exaggerated manifold by the historians. However, several corrections are suggested chiefly concerning the calculation of the gentry cavalry numbers. The reviewer reevaluates the numbers of the voyevodskie polki (voivod's regiments), and considers the chronological landmark when a new tactical unit, the gentry sotnia (100-man unit) emerged. Moreover, he proposes

an original interpretation of the numerical data found in the zapisnaya kniga of the Polotsk Campaign (1562–1563), based on a comparative analysis involving a scope of later sources of similar type.

The reviewer attempts to convince the participants of the discussion that the use of interpolation in the calculation of the Russian cavalry numbers is to be employed with due caution. The peculiarities of each campaign, as well as of a region from where a given military contingent was mobilized must be always taken into consideration. This also goes for basic logistics: tactics, weapons and equipment, and supply in the battles and troop movements in the 16th century.

In short, in the reviewer's opinion, the author as well as some of his opponents overestimate without sufficient reason the numbers of several categories of the 16th century Russian troops, such as deti boyarskie (gentry), boevye kholopy (military slaves), and posokha (mobilized peasants).